

многочисленные отзывы о Покровском его современников едва ли могут заменить обстоятельный анализ ценности его записок для исследователей. Собственно история написания воспоминаний Покровского скрупулёзно изложена в «Археографическом послесловии». В нём также кратко характеризуется хранящаяся в РГАЛИ уникальная коллекция сочинений бывших царских сановников, созданных и сохранившихся благодаря инициативе Л.М. Клячко.

Обширные и содержательные комментарии (с. 220–416) разделены по главам, но составители почему-то объединили их с гораздо меньшими по объёму примечаниями к тексту, что несколько затрудняет чтение. В именном указателе не всегда удалось соблюсти единообразие. Так, у кого-то из переживших 1917 г. указываются обстоятельства смерти – «умер в эмиграции», «расстрелян большевиками» и т.п., у других (включая А.А. Поливанова, В.М. Пуришкевича, В.И. Тимирязева и др.) такие сведения отсутствуют. Сказано, что Д.С. Сипягин был убит, но убийство В.К. Плеве и П.А. Столыпина не оговаривается. Некоторые данные не совсем точны. Так, вел. кн. Михаил Александрович был прославлен Русской православной церковью за границу³, а не Русской православной церковью Московского патриархата.

Об отдельных знаковых фигурах, например, о И.Я. Гурлянде, ближайшем помощнике резко критикуемого Покровским Штюмерера, вероятно, следовало рассказать в комментариях подробнее. Но в целом примечания дают обстоятельную оценку достоверности содержащихся в источнике сведений и существенно их дополняют, свидетельствуя об основательной исследовательской работе составителей.

Рецензируемая публикация – пример достойного издания важного исторического источника. Научное сообщество получило прекрасный материал для дальнейшего изучения переломного периода отечественной истории. В небольших по объёму воспоминаниях Н.Н. Покровский сумел показать масштаб политических процессов, приведших самодержавный строй к революционной развязке, ставшей национальной трагедией российского общества.

Примечания

¹ *Богданович А.В.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 227.

² *Искра.* 1901. № 8. 10 сентября. С. 2.

³ *Кузьмин Ю.А.* Российская императорская фамилия (1797–1917). Библиографический справочник. СПб., 2011. С. 259.

* * *

Дмитрий Андреев

Dmitry Andreev
(*Lomonosov Moscow State University, Russia*)

Опубликованные С.В. Куликовым и Д.Н. Шиловым воспоминания Н.Н. Покровского – последнего министра иностранных дел самодержавной России, до назначения на этот пост прослужившего в разных государственных учреждениях и потому накопившего ценный чиновничий опыт и тонкое понимание того, как функционирует бюрократическая машина

империи, – информативный, но вместе с тем композиционно и содержательно неоднородный источник, представляющий собой, по сути, искусственное объединение пяти очерков. Во многом это было обусловлено спецификой написания мемуаров, о чём подробно говорится в «археографическом послесловии» Д.Н. Шилова (с. 417–424).

Прежде всего бросается в глаза проблемно-тематическая разнородность глав. Так, в четырёх из пяти глав говорится о государственных учреждениях, управлявших всей империей, и стоявших перед ними задачах, а в первой — о политике самодержавия в Литве, известной Покровскому не понаслышке, поскольку его семья имела наследственные земельные владения в Ковенской губернии.

Во второй главе Покровский вспоминает о работе в канцелярии Комитета министров в 1893–1899 гг. При этом он разделяет канцелярских сотрудников по роду их занятий и образованию на «белую кость» и «чёрную кость», особо отмечая, что чиновники «чёрной кости» — непосредственно занимавшиеся переписыванием и исправлением бумаг — не только знали себе цену и держались независимо в отношении канцелярского начальства, но и считали себя «настоящими хранителями традиций канцелярии» (с. 43). Среди служащих «белой кости», по свидетельству мемуариста, преобладали неформальные взаимоотношения, что во многом было связано с позицией управляющего делами Комитета министров А.Н. Куломзина, придерживавшегося «патриархального взгляда» на работу с подчинёнными (с. 44). Покровский подробно описывает, как под руководством Куломзина создавались журналы заседаний, в которых канцелярским чиновникам приходилось излагать не только действительно сказанное, но и то, что могло быть произнесено участниками при обсуждении того или иного вопроса «и притом в наиболее изящной форме» (с. 45–46).

Неформальный, доверительный стиль работы был присущ и председателю Комитета министров Н.Х. Бунге. «Мы гордились своим председателем», — вспоминал Покровский, передавая чувства чиновников канцелярии (с. 48). Вместе с тем Бунге являлся тогда исключительно влиятельной фигурой, после кончины Александра III министры будто бы обращались к нему «по всем важнейшим делам». Более того, как утверждает мемуарист, Николай II «постоянно совещался с Н.Х. Бунге, который имел у него одно время ежедневные утренние доклады» (с. 50). Правда, тут Покровский явно передаёт непроверенные слухи: никаких «ежедневных утренних докладов» молодому императору

у Бунге не было. Как следует из камерфурьерского журнала, в последние месяцы 1894 г. Бунге побывал на аудиенции у царя, вернувшегося в Петербург из Ливадии, лишь четыре раза¹.

Обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев запомнился Покровскому исключительной убедительностью выступлений на заседаниях Комитета министров (с. 51). Председатель Департамента государственной экономии Государственного совета Д.М. Сольский имел репутацию сведущего, но вместе с тем обладавшего лишь «чисто председательским талантом» — выслушивать других, переформулировать высказанные ими мысли и преподносить их уже как нечто новое и оригинальное (с. 54). О министре финансов С.Ю. Витте мемуарист пишет в восторженных тонах и гораздо больше, чем о других. При этом он обращает внимание на неровность натуры Витте, который мог охладевать как к людям, так и к делам, особенно когда начинал чувствовать угрозу собственным интересам. Ярким тому примером, по словам Покровского, стало резкое дистанцирование Витте от проекта земельной реформы, предложенного главноуправляющим землеустройством и земледелием Н.Н. Кутлером и признанного в верхах чрезмерно радикальным. Как констатировал мемуарист, в этой ситуации Витте предпочёл умыть руки, несмотря на то, что Кутлер был его многолетним и доверенным сотрудником ещё по Министерству финансов (с. 60).

Исключительно метки замечания Покровского о том, что собой представлял Комитет министров в последние годы своего существования. По его словам, этот правительственный институт, «созданный с целью объединения деятельности разных министерств», давно уже превратился в место, где министры предпочитали обсуждать свои ведомственные вопросы, «за которые не желали брать ответственности исключительно на себя». Подобную эволюцию автор связывал с «самым существом» самодержавной государственности, поскольку если бы Комитет министров действительно стал объединённым кабинетом — по образцу западных правительств, — то в условиях России это означало бы его превращение в «коллективный

визират». А если бы во главе его оказалось «лицо особенно сильное и влиятельное», такой «визират» легко трансформировался бы в режим личной власти «великого визиря восточных деспотий». Однако при самодержавном строе не могло быть «ни единоличного, ни коллективного визирата», а любой институт с потенциалом такого рода трансформации ограничивался «только совещательным характером в пределах своей компетенции», дабы ни в коем случае не заслонять собой монарха. Поэтому, поясняет Покровский, министр мог быть лишь «докладчиком по своему ведомству», и никто, кроме самодержца, не обладал ни правом, ни возможностью объединять работу всех ведомств. Такого объединения не хотели ни министры, предпочитавшие по любым «интимным вопросам» докладывать непосредственно императору, ни царь, подозрительно относившийся к сужению собственной власти (с. 62–63).

Свои впечатления от службы в Государственной канцелярии Покровский изложил в третьей главе. Чуть больше года (с начала 1903 г. и до начала 1904 г.) он занимал должность статс-секретаря сперва по Департаменту промышленности, наук и торговли, а затем — по Департаменту государственной экономики Государственного совета. Как и в предыдущей главе, мемуарист характеризует особенности внутренней организации и делопроизводства, даёт оценку наиболее видным сановникам, определяет место высшего законосовещательного органа в самодержавной системе управления. Чиновников Государственной канцелярии он разделяет на те же две группы — «белая кость» и «чёрная кость» — с примерно таким же распределением обязанностей. А вот делопроизводства двух высших учреждений существенно отличались: журналы Государственного совета должны были служить главным источником толкования законов администрацией, а потому их формулировки оставались безличны, в крайнем случае — с указанием позиций и поимённых списков большинства и меньшинства. Служившие в Государственной канцелярии, по словам Покровского, гордились этим, противопоставляя свои «мемуарии» «поверхностному

будто бы изложению журналов Комитета министров» (с. 78–79).

Любопытно, что, по воспоминаниям Покровского, при обсуждении в Государственном совете (до его реформирования в 1906 г.) законопроекты, предполагавшие фундаментальные изменения, касавшиеся, например, положения рабочих или налоговой политики, поддерживали, как правило, более старые члены, имевшие часто репутацию консерваторов, и критиковали более молодые, чьи позиции в общественном мнении считались скорее прогрессивными. Покровский объясняет это «привычкой» опытных сановников «поддерживать правительство в лице вносившего проект министра», особенно когда речь шла о тех или иных принципиальных вопросах, которые не могли предвзято не согласовываться с императором. Напротив, недавно назначенные члены не торопились усматривать за той или иной инициативой Высочайшую волю и к тому же воспринимали себя иногда «не только советниками верховной власти, но и представителями определённых интересов». «Таким именно порядком создавалась в Совете правая оппозиционная партия, — утверждал Покровский, — хотя левой, в сущности, не было, если не называть так само правительство и прочих членов Совета». Общественное же мнение, на которое обычно ссылались члены этой «партии», на практике представляло собой «интересы отдельных и, главным образом, имущих классов» (с. 82–85).

Четвёртая глава воспоминаний отчасти напоминает первую, поскольку посвящена пусть и важному, но всё же частному сюжету — истории реформирования налоговой системы империи в последнее десятилетие её существования. В этой проблематике мемуарист разбирался в совершенстве, так как последовательно занимал должности директора Департамента окладных сборов Министерства финансов, товарища министра финансов, а затем — с некоторым перерывом — государственного контролёра. Но тем интереснее одно важное умолчание. В комментариях С.В. Куликов указывает, что в начале 1916 г. Николай II настаивал на скорейшем введении подоходного налога (с. 295). Естественно, Покровский, назначенный

в конце января 1916 г. государственным контролёром, не мог не знать об этой чёткой и недвусмысленной позиции царя, но в воспоминаниях о ней не говорится ни слова. Между тем без поддержки монарха подходящий налог вряд ли вообще был бы введён. Однако мемуарист пишет о бурном обсуждении законопроекта в Государственном совете и в Думе и лишь бегло упоминает о том, что он был одобрен императором спустя 11 лет после начала его разработки (с. 118).

Пятая глава, в которой рассматривается деятельность Совета министров в годы Первой мировой войны, безусловно, заслуживает особого внимания, причём не только своим содержанием, но и той последовательностью, с которой автор комментариев старается поправить встречающиеся в тексте источника тенденциозные и предвзятые оценки.

О необъективности Покровского Куликов предупреждает читателей ещё во вступительной статье, отмечая, что Николай Николаевич «настроен не так пристрастно по отношению к своим единомышленникам» — «прогрессивной группе» министров (П.Н. Игнатьеву, А.Н. Наумову, А.А. Поливанову), как к остальным — П.Л. Барку, М.А. Беляеву, А.А. Бобринскому, А.Д. Протопопову, В.Н. Шаховскому, Б.В. Штюмеру (с. 24). В комментариях же историк систематически полемизирует с мемуаристом. Так, более чем сдержанной оценке Штюмера, о котором Покровский, по его признанию, «слышал не много хорошего» (с. 131), Куликов противопоставляет суждения других современников, свидетельствующих об авторитете Бориса Владимировича в 1890-е — начале 1900-х гг. среди либеральных дворян и земских деятелей, о его административном профессионализме, замеченном и оцененном начальством. По мнению Куликова, «странным должно показаться не то, что в январе 1916 г. Николай II назначил премьером именно его, а то, что царь не назначал его премьером так долго» (с. 305–306).

Слова Покровского о том, что Штюмер «не умел» «ни говорить, ни писать» (с. 140), комментатор предлагает соотнести с той политической программой «правой бюрократии», которую будущий премьер, в бытность свою ещё директором Департамента общих

дел МВД, выдвинул в печати в 1909 г. (с. 315–316). Если мемуарист безапелляционно заявляет, что после назначения Штюмера главой правительства «антиобщественный курс» власти «даже усилился» и не было оснований говорить «ни о каком примирении» (с. 144), то комментатор настаивает на обратном: «В начале 1916 г. отношение Б.В. Штюмера к Земскому и Городскому союзам и военно-промышленным комитетам, как и к Прогрессивному блоку в законодательных учреждениях, было отмечено печатью готовности к сотрудничеству с ними на базе Основных законов 1906 г.». В подтверждение своих слов он приводит данные об «усиленном финансовом покровительстве» премьера общественным организациям, несмотря на нарастание их оппозиционности (с. 323).

Впрочем, не все аргументы Куликова достаточно убедительны. Так, он не приводит весомых доказательств того, что во главе МВД Протопопов «не отказался от осуществления тех положений программы Прогрессивного блока, сторонником которых являлся, будучи в оппозиции, делая исключение только для главного пункта этой программы — немедленного введения парламентаризма если не де-юре (“ответственное министерство”), то де-факто (“министерство доверия”»)» (с. 350). Между тем нет оснований считать Протопопова сторонником программы Прогрессивного блока — пусть и в урезанном виде — ни до его назначения в МВД, ни тем более после. Кроме того, не совсем корректно причислять его к оппозиции лишь по признаку партийной принадлежности, особенно если учесть, что в октябристской среде в ту пору оппозиционность и лоялизм вполне уживались друг с другом. Да и реализация лозунга «министерства доверия» отнюдь не считалась тогда «введением парламентаризма... де-факто», а частые перестановки в правительстве объяснялись не только стремлением угодить Думе, но и поиском эффективных министров. Поэтому неправомерно вслед за комментатором различать эти лозунги. В цитируемом же им самим показании, данном в Чрезвычайной следственной комиссии телохранителем Протопопова, говорилось, что глава МВД опасался именно «ответственного министерства», формирование которого «кон-

чится революцией» (с. 350). Подобная настроенность в отношении Думы вполне могла сочетаться у Протопопова с публичными заявлениями о готовности сотрудничать с ней (например, на частном совещании у М.В. Родзянко 19 октября 1916 г.) (с. 165, 351).

Но, вероятно, резче всего Покровский и Куликов расходятся в оценке Николая II. Последний министр иностранных дел царского правительства не был оригинален, полагая, что император, несмотря на «способности», «трудолюбие» и «живой ум», «страдал слабостью характера», даже «бесхарактерностью, благодаря которой подпал влияниям, от которых никак не мог освободиться», — он «был человек домашних добродетелей», «но уж вовсе не государственный ум» (с. 189). Опровергая мемуариста, комментатор ссылается на высказывания современников, отмечавших сложность и даже загадочность личности Николая II. Но ведь, строго говоря, одно не исключает другого. Куликов исходит из того, что Николай II придерживался «консервативного либерализма» и «имел собственный реформаторский проект, основанный на завещании Н.Х. Бунге и последовательно воплощавшийся вплоть до Февральской революции» в режиме «фабианской стратегии» — эволюционно и постепенно, без скачков². Однако представления Николая II о том, как должно царствовать самодержцу, сформировались пре-

имущественно под влиянием авторитета его отца, чей опыт воспринимался как эталон, которому следует безоговорочно подражать. Исключительно этим он и руководствовался на протяжении всего своего правления. Поэтому все те либеральные преобразования, на которые шёл последний император, имели сугубо вынужденный, навязанный обстоятельствами характер, что, впрочем, не мешало ему в отдельных случаях гибко лавировать в новой для него политической реальности, но опять-таки с единственной целью — защитить и сохранить в первозданном виде вверенное ему отцом самодержавие.

И всё же, как бы то ни было, нередко спорные комментарии С.В. Куликова никоим образом не умаляют значения проделанной им и Д.Н. Шиловым гигантской археографической и источниковедческой работы, в результате которой ценный мемуарный источник стал доступным широкому кругу исследователей.

Примечания

¹ См.: *Андреев Д.А.* Император Николай II в первые месяцы царствования: внешние влияния и самостоятельные решения // *Российская история.* 2011. № 4. С. 123.

² *Куликов С.В.* Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы // *Российская история.* 2009. № 4. С. 56.

* * *

Андрей Мамонов

Andrey Mamonov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Сравнительно краткий очерк Н.Н. Покровского «Несколько слов о русской политике в Литве», открывающий публикацию его воспоминаний в издании, подготовленном Д.Н. Шиловым и С.В. Куликовым, на первый взгляд производит странное впечатление, особенно на фоне его увлекательных

рассказов о деятельности высших государственных учреждений, их канцелярий, руководителей, последнего императора. Как всё это связано с политикой самодержавия в Северо-Западном крае в 1860–1880-е гг., к которой сам мемуарист к тому же не имел прямого отношения? Может показаться